

Илья СЕМЕНЕНКО-БАСИН

Илья Семененко-Басин родился в 1966 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук. Автор пяти поэтических книг и книги прозы. Стихи публиковались в переводах на английский, нидерландский и сербский языки. Работы в жанре бук-арт находятся в Собрании конкретной и визуальной поэзии супругов Сакнеров (The Sackner Archive of Concrete and Visual Poetry; Miami) и в архиве Исследовательского центра Восточной Европы (Forschungsstelle Osteuropa; Bremen).

Снег в начале мая

Ты бы мог записать: Преклонился сей день.
Мая денёк восьмой года надцатого
перемогается, словно телёнком – бык.

Снег перемогает. Магог во пророках:
«Гога перемогу
в день, егда телятя быка переможет».

Самолёт мыслей

плановщик может ли перевернуть план?
может ли Декарт забросить свой метод?
этот маленький любительский самолёт
прогулочный аэроплан
может не вернуться назад
зат-
ылок переднего не врёт
ведёт
 за собою
 прямо
но ведь кто-то же всё равно вернётся назад

Полное разрушение ваших ожиданий от поэтического произведения

зачем они сперва говорят: огурцы
и только после этого говорят: помидоры
огурцы
 помидоры
вне зависимости от покупательной способности
и своей целователь н о с т и

нет бы хоть раз в обратной последователь н о с т и
слов

Фрагменты рукописей, найденных в своей комнате

i
Если и есть у
патриарха нашего Ом
что-либо для дремлющих,
только питья
мёда текучего слаще,
речи от уст Нестора.

ii
Проснулся, смеясь,
смеялся во сне
и, проснувшись, смеялся.

iii
То, что происходит,
именуем безмолвием.
Едва ли это – безмолвие святых. Что-то иное.

iv
Кто преследует? Преследующий
не сдвигается с места.
А тот, преследуемый,
мирно спит
в молчании жёстких стен.

На праздничный день

Сказывают, письмо с его игрою есть генетический даР;
ум, господин загадочный, ведёт себя местами заумно.
Письменами укрыты страницы кодекса, буква здесь – страЖ,
задержавшийся на столетия, на тысячелетия, хотя кодекс не стар, не молод.
Нет маски крика, без вспышек следуют вполне переводимые слова
о рождении ребёнка на задворках, зато под пеньЕ.
Несколько необычно, конечно. Затем – вооружённый захваТ,
маршруты миграций наполняются кровью; где пели мир, стал пафоС.
А нашего увезли, успели. И собравшиеся читают написанное, хотя
раньше они уже это слышали, просто нашли нашедшего такой спосоБ,
как подчинять письмо играющее иной диктовке, не мозга – не своеО,
сравняться с дыханием, позволить ему подаривать через букву жемчуГ.

Пасха в Москве, сорок строк

Священник восклицает:
«Союз Советских Социалистических Республик
огорчился, ибо упразднился».
Пасхальные гитары под пальцами кубинцев
звонят: «Сей
бог коммунистов-большевиков, победивший бога
национал-социалистов и бога фашистов.
Заморских богов победил бог

капиталистов земли американской».
Такова правда и правду пьёт
потомок в потёмках новенького сквера
возле станции многобожного метро.
Кто выдержит правды шум?
Проклятые?
Так мы ж не сами себя, мы
неслышания совершенство несём, свыше есть,
написано на роду.
И что за слово праздничное было? Что
за слово такое? «Улица»?
Стихотворение – это маленькая форма жизни,
а улица очень прямая и где-то внизу,
в юдоли бессвязного целого составного.
В нём каждый празднует по-своему. В нём
хвалёная апита художника
оказывается истеричной женщиной.
И ясное помышление бысть мне в радование.
Вот отсюда – пиши.
Пиши, что помимо акустики, мимо
докучливой боли,
стерегущей проржавленный город,
мимо раз навсегда определяющих нас побед,
говорят некие из кубического, ночного,
светло-светлого,
из четырёх стен, собравшись особняком:
«А Сын-то Человеческий
действительно восстал из мёртвых
и явился Мариам,
и явился Симону Петру».
Изукрашенный манускрипт древнее города.
Старше книги – речь горячего сердца.

**Песенка едва слышно сопровождает раскрытие несправедно замкнутого,
отдалённого**

ходит **овосл**
небытью твёрдой
в небыти ходит
и поныне там
грязь осиная
ловос ходит водит
ос за нос
ловословословословос
губит ос

вы как животные
и мы как животные

чтобы убедиться в этом
посмотрим на
да вот хотя бы на только что увиденное
сон ускользает
тает
сон неуловим
неописуем

сон ускользает, вы как животные
вы животные, мы как животные
просто посмотрим, чтобы убедиться
сна не уловишь, в этом убедиться
посмотрим на... на... на... увиденное
неописуем сон и виденное
сон ускользает, вы как животные
мы животные, все как животные

Двадцать третья, ночь

День спустя после осеннего равноденствия
впервые заметил тревожащие
своей красотой сумерки раньше
прежнего. Ничто не началось в этот
день, неуверенные ожидания дождя
были обмануты каким-то просто на редкость
неприветливым небом. Равноденствие,
ничто – тебе мантия, мрак брошен вверх дном
теперь, когда началось восхождение
той, что *точит* свет.

Торговки предлагают искусственные цветы

Две ли ужасных, двери ли кладбища...
Припоминаю. Припомнить, проснувшись.
Надпись
зывает ярыми буквами,
увлекает внутрь:
«То, что вы хотели получить от отца,
хотели бы получить от своего дяди...»
Зывает: на самом деле всё это
там – за кладбищенской оградой,
в лабиринте возвышающихся камней.
Отдалённый полумрак,
впрочем, не проклятый, а неизъяснённый.
Не угрожающий,
ненужный.

К маленькой женщине – шоссейные подступы,
всё припрятано,
спрятаны выемки. Разгорячённые,
вечером
цветут сиянием круглых площадей,
веточками разгорячённых улиц.
Так устроена здесь жизнь,
воздух сохраняет отпечатки движений
и нет такого оттенка синего или красного,
который бы не повстречался
в нарядах толпы.
О выщерблинах, выемках забывают
по закате солнца;
кости местной реплики Колизея
в круг свой
принимают тело музыки
ухищённой, праздничной.

Мягкие шипящие

Опечаливающее мучает.
Распечатывают память,
некто распечатывает память мне
со скуки, от нечего делать,
неведомо зачем.

Вопрос: «Зачем распечатывающий распечатывает?»

Ответ: «Запечатанное
нам оставляет Бог,
чтобы мы возражали
в благодарности
из-за прощения».

Вместе остановим сюрреалистическую деструкцию!

[Стихотворный эпиграф к глоссе утрачен, но легко угадывается]

Вития рек: которым бы подданные, не прикасаясь к делам
Самодержца, могли спешествовать облегчению Царского бремени,
вообразим, что все подданные мальчуга жили бы любви строга
в любви между собою
и не делали ниче-

Скрыв округло жемчуга

ничего, кроме добрых
дел. Как облегчилось бы
дело Царёво! Не нуж-
но было бы умножать
законы. Долгий праздник
был бы от дел и сто лет
правосудия в обед.
Уменьшились бы забо-
ты, потому что не до
Всюду знойный белый свет

что не добрыя дела
дают работу Судам.
Не можем ли мы сами
споспешествовать тому,
чтобы в царстве все жили
в любви, в дали, не со зла
должны должна жна прошла
чтобы все подвизались
в делании дел добрых?
Тихо за морем жила

не иначе, как взаим-
ностию: взаимным со-
действием, помощью,
споспешествованием.
Взаимныя обязан-
ности множества іот
членов общест переменёт
частью определя-
ются по званиям и
Дым воздушный отдохнёт